

Д.М.ЗАЙЦЕВ

Инцидент Хвостова и Давыдова: взгляд из Японии

На основе японских и русских исторических материалов проанализирована акция нападения на японские фактории на островах Сахалин и Итуруп русских судов «Юнона» и «Авось», оказавшая негативное влияние на развитие русско-японских отношений и получившая в истории название инцидента Хвостова и Давыдова. Показано отношение японцев к данному инциденту.

The Khvostov and Davydov incident – a view from Japan D.M.ZAYTSEV (Osaka University, Osaka).

The paper reviews Russian and Japanese historical sources related to the attack on Japanese trading posts in Sakhalin and Iturup by the Russian ships «Juno» and «Avos». This conflict had a negative influence on the international relations between Russia and Japan and was named by historians as the Khvostov and Davydov incident. The paper shows the attitude of Japanese citizens toward this incident.

В эпоху Эдо (1603–1867) в Японии началась политика изоляции страны от внешнего мира, продолжавшаяся 260 лет. С 1641 г. только голландцам и китайцам было разрешено торговать в порту Нагасаки, который находился под непосредственным контролем бакуфу – центрального правительства.

В конце XVIII в. Россия столкнулась с проблемой снабжения населения русских тихоокеанских владений продовольствием и различными товарами, доставка которых из европейской части России кругосветным морским путем или через Сибирь требовала много времени и больших расходов. И в 1792 г. в Японию было отправлено первое русское посольство во главе с Адамом Лаксманом, главной задачей которого было добиться открытия одного из портов для торговли с Россией. Лаксману удалось установить хорошие отношения с княжеством Мацумаэ и при его посредничестве получить от японских властей разрешение на заход русского судна в Нагасаки. Русское правительство сразу не воспользовалось разрешением, полученным Лаксманом, и не продолжило переговоры. Внимание России в то время было занято европейскими делами – организацией коалиции против революционной Франции и разделом Польши (1795 г.). Длительная ведомственная переписка и смерть в ноябре 1796 г. Екатерины II помешали организации второго русского посольства в Японию. Новое посольство под руководством Н.П.Резанова (1764–1807) прибыло в Нагасаки только 26 сентября 1804 г. Проведя в этом порту полгода, Резанов получил от японского правительства письменный отказ на предложение установить отношения с Россией.

В ответ на это в 1806–1807 гг. бриг «Юнона» и тендер «Авось» под командованием лейтенанта Н.А.Хвостова и мичмана Г.И.Давыдова совершили серию нападений

ЗАЙЦЕВ Дмитрий Максимович – аспирант отделения японоведения факультета литературы (Осацкий университет, Осака, Япония).

на японские фактории на островах Сахалин и Итуруп. Цель акции – силой заставить японское правительство установить торговые и дипломатические отношения с Россией.

Инцидент Хвостова и Давыдова оказал большое влияние на весь дальнейший ход развития русско-японских отношений и стал одним из главных факторов формирования антирусских настроений в японском обществе. Известный японоведа Д.М.Позднеев писал: «Самым важным по своим последствиям фактом в истории первых сношений России с Японией необходимо считать, конечно, экспедиции лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова против северных японских островов. Память о них, изгладившаяся в России, живо сохраняется до сего времени в Японии, факт, с которым нам необходимо самым тщательным образом считаться, когда мы рассуждаем о психологии отношений японцев к русским...» [7, с. 170].

В дореволюционный период русское правительство осуждало этот рейд как пиратский, не имеющий никакого отношения к официальной политике государства. В 1808 г. Адмиралтейств-коллегия признала Хвостова и Давыдова виновными в самовольном нарушении правительственных инструкций о сугубо мирном развитии взаимоотношений с Японией и бесчинствах против японцев. В качестве наказания были аннулированы награды офицерам за проявленные в войне со Швецией храбрость и мужество. (В отечественной историографии советского периода действия Хвостова и Давыдова рассматривались как патриотическая акция, справедливый ответ на отказ Японии установить отношения с Россией [9, с. 98; 15, с. 103].) Правление Российско-Американской компании (РАК) заявило о непричастности к экспедиции (Архив внешней политики России – далее АВПР. Ф. Главный архив, 1–13, д. 14, л. 23–24, 33).

РАК, созданная в 1799 г. указом императора Павла I и под его непосредственным патронажем, получила в наследство от купца Г.И.Шелихова обширные владения на американском континенте и на Дальнем Востоке, имела монопольное право на освоение этих территорий и сношения с иностранными государствами в регионе. Возглавлял посольство камергер и обер-прокурор первого департамента Сената граф Н.П.Резанов, зять Шелихова, крупнейший акционер РАК, который занимал должность корреспондента этой полуправительственной компании в Петербурге. Человек решительный и энергичный, Резанов пользовался покровительством министра коммерции Н.П.Румянцева, министра юстиции Г.Р.Державина, петербургского военного губернатора П.А.Палена и других сановников. Поэтому назначение чрезвычайным послом в Японию крупного акционера РАК, имеющего большие связи при дворе, было вполне объяснимым.

Резанову была дана подробная инструкция о целях и задачах посольства. Прибыв в Нагасаки, посол должен был просить аудиенцию у японского императора для вручения грамоты Александра I, в которой российский император предлагал Японии установить торговые и дипломатические отношения с Россией. Если бы установить торговые отношения напрямую с Японией не удалось, Резанов должен был добиться разрешения на обмен товаров между Россией и Японией при посредничестве айну островов Уруп и Сахалин. Резанову и его свите во время пребывания в Японии предписывалось соблюдать японские законы и обычаи (АВПР. Ф. 1–7, д. 1, о. 28, л. 56–66).

23 марта 1805 г. прибывший из Эдо (старое название Токио) официальный представитель бакуфу гомэцукэ¹ Тояма Кинсиро сообщил русской делегации официальный ответ бакуфу. Японское правительство отказывалось установить дипломатические и торговые отношения с Россией. Резанову не разрешили посетить Эдо и лично встретиться с сёгуном для передачи ему послания русского императора. Японские чиновники запретили русским покупать какие-либо японские товары и дарить свои подарки, а также общаться с голландскими представителями. Тояма Кинсиро принес русской делегации официальные извинения японского правительства: «Вы прибыли в Нагасаки осенью прошлого года. С тех пор в течение долгого времени вы пребывали на территории Японии. Это большое испытание. Вы подробно сообщили нам о целях своего прибытия в Японию и о предложениях вашей страны. Мы все в течение долгого времени обдумывали ваши предложения, поэтому на ответ потребовалось так много времени» [2, с. 58].

Неудача посольства Н.П.Резанова объяснялась несколькими причинами. Одна из них – изменение внутривосточной обстановки в Японии. В 1792 г. совет старейшин возглавлял Мацудайра Саданобу, который не исключал возможности установления в Нагасаки торговых и дипломатических отношений с Россией. В 1804 г., когда посольство Резанова прибыло в Японию, состав совета старейшин был уже другим, изменились и настроения в правительстве. На фоне участвовавших попыток европейцев вновь «открыть» Японию бакуфу опасалось, что уступка, сделанная России, создаст прецедент для других держав и приведет к отмене политики изоляции, что, в свою очередь, может пошатнуть основы существующего строя и привести к колонизации страны иностранцами. Отрицательную роль сыграли и голландцы, заинтересованные в сохранении своей монополии на торговлю с Японией.

Честолюбивый вельможа, искушенный царедворец Резанов был глубоко разочарован и раздражен результатами переговоров. Он не мог понять, зачем японское правительство вообще выдало Лаксману разрешение на заход в порт Нагасаки, если Япония не собиралась вступать с Россией в какие-либо отношения.

Вернувшись в Петропавловск-Камчатский, Резанов направился с инспекцией в русские колонии на северо-западном побережье Америки и Алеутских островах. С алеутского о-ва Уналашка, где располагалась одна из контор РАК, Резанов 18 июля 1805 г. пишет Александру I письмо: «Усилия американские заведения и выстроения суда, можем и японцев принудить к открытию торгового, которого народ весьма сильно желает у них. Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда имея теперь достойных сотрудников, каковы Хвостов и Давыдов, и помощью которых выстроив суда, пушусь на будущий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их, вытеснить их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы отняв между тем рыбные промыслы, и лиша 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торгового, к которому они обязаны будут. А между тем слышал я, что они и на Урупте осмелились уже учредить факторию. Воля Ваша, Всемилостивейший Государь, со мною, накажите меня как преступника, что не дождав повеления, приступаю я к делу; но меня еще совесть более упрекать будет, ежели пропущу я понапрасну время и не пожертвую славе Вашей, а особливо когда вижу, что могу споспешествовать исполнению великих Вашего Императорского Величества намерений» (АВПР... л. 3) [15, с. 154].

¹ Гомэцукэ – старший полицейский инспектор.

Таким образом, посол сообщает императору о своих намерениях ликвидировать японские фактории на Курильских островах и Сахалине, изгнать оттуда японцев и силой заставить Японию пойти на установление отношений с Россией. Затем он сообщает о своих планах министру коммерции графу Н.П.Румянцеву, а 29 августа 1805 г. дает предписание правителю колоний РАК о подготовке экспедиции в Японию.

Внимание России в то время занимала война с Францией, поэтому, по всей видимости, было не до писем с края света и Резанов приступил к реализации своего плана без каких-либо санкций, самовольно. Японский историк Такано Акира считает, что в нападениях на японские фактории виновен прежде всего Резанов, к действиям которого император и правительство России не имели никакого отношения. «Резанов боялся возможных последствий своих самовольных действий, поэтому, стремясь переложить ответственность на подчиненных, он дал им двусмысленные инструкции – сначала напасть на японские фактории, а потом ограничиться только разведкой», – пишет Такано [13, с. 163].

Чтобы наказать японцев за несговорчивость, посол формирует эскадру из брига «Юнона» и тендера «Авось». Аксию устрашения на Сахалине и Курильских островах должны были осуществить подчиненные Резанова – лейтенант Хвостов и мичман Давыдов. Летом 1805 г. в своих письмах императору и графу Н.П.Румянцеву Резанов характеризовал Хвостова как «офицера, исполненного огня, усердия, искусства и примерной неустрашимости» [7, с. 222]. Однако уже в сентябре 1805 г. Резанов был шокирован поведением Хвостова. Ему открылось пьянство и буйный нрав офицера: «...на одну свою персону, как из счета о заборе его увидите, выпил 9,5 ведер французской водки и 2,5 ведра крепкого спирта, кроме отпусков другим и, словом, спойл с кругу корабельных подмастерьев, штурманов и офицеров... пьянство нимало не прекращается, ругательства и угрозы весьма невероятные, стреляют ночью из пушек, на верфи за пьянством корабельных подмастерьев работы идут медленно, матросы пьют... Давыдов объявил мне, что сделал с Х... последнюю компанию, он более служить с ним не хочет...» [14, с. 248, 249].

Тем не менее в сентябре 1806 г. Резанов вручает Хвостову секретные инструкции, которые предписывали тому совместно с Давыдовым предпринять плавание к южному Сахалину, а также к островам Уруп и Симушир. Русские моряки должны были посетить зал. Анива на Сахалине, истребить находящиеся там японские суда и захватить в плен годных к работе японцев. Неспособным же к труду японцам следовало разрешить перебраться в княжество Мацумаэ, «сказав, чтоб никогда они Сахалина как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга». В случае высадки на берег русские моряки должны были «обласкать» сахалинских айнов, одарить их сукнами, платьем и другими вещами, а айнским старшинам вручить медали. Японские магазины было приказано сжечь, взяв оттуда предварительно все товары [8, с. 151–154].

В Охотске Резанова начинают обуревать еще большие сомнения относительно затейливой им экспедиции. 24 сентября 1806 г. в начале своего пути из Охотска в Санкт-Петербург он направляет Хвостову дополнение к инструкциям, в соответствии с которыми тот должен был ограничиться только разведкой положения дел в японской колонии на Сахалине. Отмену военных действий против японцев Резанов мотивировал тем, что время для похода в зал. Анива упущено: рыбная путина на юге Сахалина должна была уже закончиться, и японцы могли перебраться на зимовку на Хоккайдо, и, таким образом, эффекта от вояжа русских судов на Сахалин может и не быть [7, с. 223, 224].

Хвостов поспешил к Резанову за разъяснением, но тот уже оставил Охотск и направился в Петербург. По дороге Резанов заболел и 1 марта 1807 г. умер в Красноярске. Таким образом, истинный смысл его приказов остался неясным. В итоге Хвостов проигнорировал расплывчатое дополнение к инструкции, и 6 октября 1806 г. бриг «Юнона» под его командованием появился в зал. Анива на Сахалине.

Японская фактория в зал. Анива была основана в период Кансэй (1789–1801 гг.), японцы находились в фактории только три-четыре месяца. 7 октября русские высадились на берег и посетили селение айну, 8 октября Хвостов одарил островитян подарками и объявил им, что Сахалин и жители острова находятся под покровительством императора России. В знак чего старшине селения была выдана серебряная медаль на Владимирской ленте и специальная грамота. Русские и айну общались с помощью жестов, поэтому сомнительно, что островитяне поняли всю процедуру награждения и посвящения их в российское подданство. Айну, у которых не было своего государства, не имели даже самого понятия о каком-то подданстве.

11 октября, захватив в плен четверых японцев, русские моряки полностью разорили японскую факторию в Кусюнкотан (современный г. Корсаков). Со склада фактории было изъято 600 мешков риса, большое количество сакэ и других товаров. Все постройки, храм, рыболовные сети и лодки японцев были сожжены. В мае 1807 г. «Юнона» и «Авось» появились у берегов Итурупа. 18 мая после обстрела побережья из пушек русские высадили десант в бухте Найбо и сожгли находившийся здесь небольшой японский сторожевой пост. В Найбо было захвачено в плен пять японцев, 20 мешков риса, весь провиант был перегружен на корабли. 20 мая русские корабли совершили нападение на японскую факторию в Сяна (в настоящее время г. Курильск). Сравнительно многочисленный (около 300 чел.) гарнизон Сяна был легко разгромлен, а сама фактория полностью разграблена и разрушена [4, с. 98, 100]. Посетив Уруп, оба судна 10 июня вошли в зал. Анива. Предав огню оставшиеся там японские строения, Хвостов и Давыдов двинулись в направлении Хоккайдо.

В конце июня у северо-западной оконечности Хоккайдо «Юнона» и «Авось» сожгли четыре японских судна и уничтожили сторожевой пост на о-ве Рисири. Бывший на судах груз был захвачен. У о-ва Рисири Хвостов отпустил восемь из десяти пленных японцев, для того чтобы через них передать японскими властям свои требования [4, с. 102].

Ультиматум Хвостова гласил: «Соседство России с Япониею заставило желать дружеских связей к истинному благополучию сей последней империи, для чего и было отправлено посольство в Нагасаки; но отказ оному, оскорбительный для России, и распространение торговли японцев по Курильским островам и Сахалину, яко владения Российской империи, принудило сию державу употребить наконец другие меры, кои покажут, что россияне всегда могут чинить вред японской торговле до тех пор, как не будут извещены чрез жителей Урупа или Сахалина о желании торговли с нами. Россияне, причинив ныне столь малый вред японской империи, хотели им показать только чрез то, что северные страны оной всегда могут быть вредимы от них, и что дальнейшее упрямство японского правительства может совсем лишить его сих земель» [5, с. 94].

Совершив разбойные нападения на японцев и нагрузившись награбленным, «Юнона» и «Авось» 16 июля 1807 г. вернулись в Охотск. Однако здесь действия Хвостова и Давыдова были расценены как государственное преступление, «русские пираты» были арестованы, и против них начато следствие [15, с. 102].

Весть о нападении русских на Сахалин и Итуруп быстро достигла Эдо и разлетелась по всей Японии. С середины мая по июнь из северных княжеств Хакодате, Намбу и Цуруга в столицу одно за другим поступали сообщения о появлении русских кораблей у побережья Японии. Слухи о нападении иностранцев распространились по всей Японии и посеяли панику среди местного населения.

10 июня глава совета старейшин Дои оиноками² Тосицура приказал чиновникам бакуфу сообщать обо всех появившихся в последнее время слухах и пресечь их источник [6, с. 117, 120]. В распространении тревожных слухов о готовящемся новом нападении со стороны России не последнюю роль сыграли голландцы. Японские переводчики, работавшие позднее с Головным, признались ему, что голландцы, переведя ультиматум Хвостова, добавили от себя, что русские грозят покорить Японию и прислать священников для обращения японцев в христианство. Чин Хвостова был переведен голландцами как «наместник». Слово лейтенант (lieutenant) на французском языке имеет также значение «управляющий», «наместник», что позволило голландским переводчикам вольно интерпретировать чин Хвостова. Это было сделано специально для того, чтобы придать Хвостову большую значимость в глазах японского правительства [1].

Отпущенные Хвостовым пленные передали японским властям ультиматум русских и сообщили об их дальнейших намерениях. В «Обзоре мореплавания» за четвертый год «Бунка» (1807 г.) есть запись, в которой говорится о том, что русские сами рассказали пленным о своих планах в отношении Японии. Вот ее содержание: «Если же вы все же отвергнете наши предложения, мы придем снова и подвергнем нападению ваши фактории. Война на суше нам не выгодна, поэтому мы возьмем под свой контроль основные морские коммуникации вокруг Японии. Мы в любое время можем прервать ваши поставки войск и продовольствия. Это истощит всю вашу страну» [5, с. 95].

Ультиматум Хвостова в такой ситуации содержал угрозу северным владениям Японии не со стороны РАК, а со стороны всего государства. Нападения русских на японские фактории заставили бакуфу серьезно задуматься над проблемой безопасности северных районов страны.

12 марта, сразу после получения из княжества Мацумаэ сообщения о нападении русских на Сахалин, бакуфу берет Сахалин и западное побережье Хоккайдо под свое управление. Губернаторское управление Хакодате в то время не могло самостоятельно оборонять Хоккайдо, так как правительственных войск, находящихся в его распоряжении, было недостаточно. Для обороны острова по приказу бакуфу в Хакодате были срочно направлены войска княжеств Цугару, Намбу, Акита и Сакаи. Приказ мобилизовать войска был получен также в княжестве Датэ. Кроме того, усилить оборону побережья было предписано трем приморским княжествам – Муцу, Дэва и Итигоя. Через несколько месяцев после нападения русских на Сахалин и Итуруп губернаторская администрация переехала из Хакодате в Мацумаэ в целях безопасности.

Согласно дневнику губернатора Хакодате Тобава Тикудзэнноками, в порт Хакодате прибыло около 2500–2600 самураев названных княжеств, чтобы организовать оборону Хакодате. Для охраны побережья на Хоккайдо было создано свыше 80 военных лагерей. Японский чиновник так характеризует ситуацию на острове: «В факториях раздается паек, везде можно видеть спешащих готовых к бою саму-

² Оиноками – начальник департамента при министерстве двора, которое контролировало поступление рисового налога из княжеств и выплачивало рисовый паек чиновникам.

раев. Наши наблюдатели не спят уже третьи сутки. Если враг нападет, все как один готовы сражаться до конца. Воистину, это небывалое событие в наше мирное и благополучное время» [6, с. 101, 102]. 25 мая 1807 г. «тэцукэдэяку»³ губернаторского управления Хакодате Амада Рокусабуно написал в донесении о появлении у Хакодате двух русских кораблей. Из сообщения японского чиновника видно, что японцы готовились защищать Хакодате до конца [там же, с. 103].

Перед правительством Японии стоял выбор: принять требования русских и установить с ними отношения или же укрепить обороноспособность страны и защитить свою территорию. Японский историк Сибамура Его пишет о том, что бакуфу, напуганное действиями Хвостова и Давыдова, всерьез рассматривало возможность установления торговых отношений с Россией вместо Китая, так как торговля с последним в начале XIX в. практически не велась [10]. Для морских коммуникаций и северных районов Японии, по мнению чиновников бакуфу, существовала реальная угроза со стороны России [6].

Но после длительных дискуссий японское правительство пришло к выводу, что открытие торговли с Россией создаст прецедент для других стран и в конце концов приведет к «открытию» страны и дестабилизации внутренней ситуации. Поэтому было принято решение укрепить обороноспособность страны, чтобы дать достойный ответ в случае повторных нападений со стороны русских.

Подготовленный бакуфу ответ на ультиматум Хвостова так и не был передан русской стороне в связи с арестом Хвостова и Давыдова в Охотске. В своем ответе японское правительство заявляло: «...Мы не можем вести торговые отношения с таким государством, которое говорит подобные грубые и неприличные вещи. Если из вашей страны будет прислано много судов, то мы со своей стороны укрепим свою оборону и будем вести с вами войну. Если торговля представляется желательным делом, то необходимо раньше вполне исправить то, что уже сделано, и в доказательство того, что не имеется злых намерений, возвратить всех захваченных в плен японцев. Только после этого вы можете говорить о торговле» [7, с. 81].

Совет старейшин поручил губернаторам Мацумаэ Кавадзири Хигоноками и Арао Тадзиманоками сформировать основные принципы политики в отношении России. В феврале 1808 г. губернаторы Мацумаэ направляют в Эдо проект ответных мер в отношении России: «Необходимо уничтожать любые русские корабли, появляющиеся у берегов Японии, но при этом следует проявлять миролюбие и стремиться к установлению мирных добрососедских отношений. Тем не менее, сядя за стол переговоров с русскими, необходимо готовиться к войне. Ситуация – сложная, и ее трудно прогнозировать. Ясно одно – мир с Россией будет не долговечен» [6, с. 312].

Японское правительство проводит ряд срочных мер по укреплению побережья Хоккайдо и усиливает военное присутствие на Итурупе и Кунашире. Уже в 1808 г. на островах было расквартировано более 1000 воинов. 11 июля 1811 г. японским гарнизоном Кунашира были захвачены в плен русский мореплаватель В.М.Головнин и его спутники. Русские моряки смогли на себе испытать новое отношение японцев к русским. В ответ на уверения В.М.Головнина в непричастности российского правительства к действиям Хвостова и Давыдова японский чиновник ответил: «...русские суда два раза напали на японские селения, и все, что в них нашли, то увезли с собою или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов...». Далее Головнин справедливо замечает, что, после того как

³ Тэцукэдэяку – чиновник-помощник, обычно посылаемый в командировки.

«японцы вынуждены были много претерпеть от голоду и холоду, до того даже, что многие лишились жизни», невозможно, чтобы они, видя русское судно столь близко у своих берегов, были покойны и не боялись» [1, ч. 1, с. 22].

В.М.Головнин провел в японском плену более двух лет, с 1811 по 1813 г., и был освобожден только после получения японцами от российских властей заверений в том, что рейды Хвостова и Давыдова на Сахалин и Итуруп носили несанкционированный характер.

После нападения русских на японские фактории в Японии получают распространение равные по значению выражения «русская угроза», «русские пираты». До этого к русским относились точно так же, как и к другим иностранцам. Нападение русских кораблей заставило японское общество по-новому посмотреть на северного соседа и проблему дальнейших взаимоотношений с Россией. Один из участников миссии Ивакура в Европу и Америку (1873 г.), Кумэ Кунитакэ, во время пребывания в России написал в дневнике миссии, что действия Хвостова и Давыдова положили начало формированию идеологии «изгнания варваров» (иностранцев) и привели тем самым к краху сёгуната Токугава и к Реставрации Мэйдзи. По мнению Кумэ, нападения русских моряков на японские фактории оказали огромное влияние на историческое развитие Японии, заставив японцев осознать, что дальнейшее бездействие может привести к их порабощению огромной соседней страной [3, с. 107, 108]. В Японии сложилось устойчивое мнение, что России следует опасаться. Во-первых, потому, что Россия – самое большое государство в Европе и Азии. Во-вторых, потому что Россия постоянно проводит внешнюю экспансию и увеличивает свои огромные территории [6, с. 301]. В-третьих, потому, что огромная Россия, продолжая свою экспансию на Восток, через некоторое время выйдет к границам Японии.

Память о нападениях русских моряков на японские фактории почти два века тому назад сохраняется в Японии и в наши дни. Японский историк Симидзу Хаяо называет нападения Хвостова и Давыдова на японские фактории первым вооруженным конфликтом между Россией и Японией [11]. Известный политический и общественный деятель Суэцугу Итиро следующим образом оценивал рейды Хвостова и Давыдова: «...Хвостов напал на японские фактории, жег дома, грабил и насиловал население. Этот инцидент отрезвил японцев, которые, уповая на закрытие страны, пребывали в благодушном настроении, и породил вполне определенное чувство страха перед Россией» [12, с. 78]. Японский историк Хасэгава Цуеси пишет, что нападения Хвостова и Давыдова для многих поколений японских историков были классическим примером природы русского экспансионизма [17, р. 23]. Фудзимото Вакио считает, что рейды русских кораблей заставили японское правительство осознать необходимость серьезного изучения России и приступить к активному изучению Севера. По мнению ученого, нападения русских моряков держали в страхе японское общество вплоть до реставрации Мэйдзи [16, с. 37].

Действия Хвостова и Давыдова породили в японском обществе своеобразный «русский комплекс»: среди правящей элиты Японии сформировалось устойчивое мнение, что Россия всегда будет угрожать безопасности Японии [6, с. 311]. Концепция постоянной готовности к войне легла в основу дальнейшей политики Японии в отношении России.

Организованная Резановым авантюра не только не достигла своей цели, но возымела нежелательный для России результат: Япония не только осталась, но и укрепила свои позиции на Сахалине и Курильских островах, первый русско-японский торговый договор был заключен только полвека спустя, а отношения между двумя странами с самого начала были омрачены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головнин В.М. Записки флота капитана Василия Михайловича Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и на роде. Ч. 1–3. СПб., 1885.
2. Кавадзи Тосиакира. Дневники Нагасаки–дневники Симода / Исправления и комментарии Фудзии Садафуми, Кавада Садао. Токио: Хэйбонся, 1968. 282 с. Яп. яз.
3. Кумэ Кунитакэ. Дневник специального полномочного посла в Америку и Европу. Токио: Ивана-мисетэн, 1985. 230 с. Яп. яз.
4. Материалы по истории Хоккайдо и японо-русских отношений / ред. Окамото Рюносукэ. Токио: Рюкэйсея, 1995. 212 с. Яп. яз.
5. Мацумото Эндзи. Директор голландской фактории Доуф и письма Хвостова. Токио: Хэйбонся, 2001. 132 с. Яп. яз.
6. Накумура Есикадзу. Русский ветер: 200 лет японо-российских отношений. Токио: Кадзэгеса, 2001. 327 с. Яп. яз.
7. Позднеев Д.М. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Иокогама, 1909. Т. 2.
8. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1799–1815 гг.: сб. документов. М.: Наука, 1994. 278 с.
9. Северов П.Ф. Морские были. Киев: Молодь, 1956. 158 с.
10. Сибакура Его. Богатый купец северных морей Такатая Кахээ. Токио: Акисебо, 2000. 348 с. Яп. яз.
11. Симидзу Хаяо. Почему японцы ненавидят СССР? Токио: Яматэсебо, 1979. 296 с. Яп. яз.
12. Суэцугу Итиро. Послевоенный вызов. Токио: Орусюппан, 1981. 307 с. Яп. яз.
13. Такано Акира. Япония и Россия. Токио: Кинокунья, 1994. 230 с. Яп. яз.
14. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 2. Приложения ко 2 части.
15. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 316 с.
16. Фудзимото Вакио. Формирование образа России и СССР в Японии на основе личного опыта // Исслед. языка и культуры. Осака: Ун-т Осака, 2002. № 28. С. 35–50. Яп. яз.
17. Tsuyoshi Hasegawa. The Northern Territories dispute and Russo-Japanese relations. Between war and peace, 1697–1985. Vol. 1. Berkeley: Univ. of California at Berkeley, 1998. 216 p.